

Мусагитова Г. Н.

**КОММУНИКАТИВНЫЙ СТАТУС ТЕКСТА КАК ПРИНЦИП ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА
АВТОРА**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/64.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 149-151. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Изучение их может иметь важное значение для освоения богатств казахского языка, выработанных народом норм речи, в конечном счете - для дальнейшего развития языка» [Адамбаев 1997: 84].

Авторами разножанровых ораторских изречений зачастую выступали казахские бии - судьи в Великой степи кипчаков. Наиболее известны Толе би, Казыбек би и Айтеке би.

Казахский суд решал споры и разногласия, с которыми обращались к нему стороны, считая самым важным обеспечение примирения сторон и мира между ними, а также необходимость искоренения общественных пороков. Именно эти далеко не простые задачи суда требовали, чтобы бии-судьи учились в школах степных мудрецов, были учеными (не по книгам, а по жизни), прошли испытательные этапы перед старшим поколением, мудрейшими, обладали красноречием и логикой суждения, а также были знатоками казахского права.

Целесообразность обращения к ораторским изречениям биев подчеркивает замечание академика С. З. Зиманова: «Исследователи богатого устного народного творчества казахов сходятся в том, что понятия «бий» и «оратор» на территории Великой степи казахов являются синонимами. Под бием понимали оратора, а оратор становился бием. Причем судебное «ораторство» у казахов было не столько красноречием вообще, сколько имело доказательную силу и несло содержательно-смысловую нагрузку» [Зиманов 2004: 117].

Для этнориторического образования важен механизм конструирования доказывающей, убеждающей, воздействующей речи, непревзойденными образцами которой являются выступления биев.

Итак, этнориторика как неотъемлемый компонент лингвистического образования способствует формированию умений функциональной грамотности: открытого и толерантного общения (посредством гармонизирующего характера речи), а также личностно и социально ориентированного общения, стимулируемого корреляцией анализа русской национальной личности с анализом казахской национальной личности.

Список использованной литературы

1. Адамбаев Б. Казахское народное ораторское искусство. - Алматы: Ана тілі, 1997. - 208с.
2. Волченко Л.Б. Гуманность, деликатность, вежливость, этикет. - М.: МГУ, 1992.
3. Воробьев В. В. Общее и специфическое в лингвострановедении и лингвокультуроведении // Слово и текст в диалоге культур. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2000. - С. 83-92.
4. Зиманов С.З. «Бий есть живая летопись народа, юрист и законовед его» / Древний мир права казахов: материалы, документы и исследования в 10-ти томах. Том III. - Алматы: Жеті жарғы, 2004. - 613 с.
5. Злобин М. Б. Проблема деловой риторики у зарубежных авторов // Вестник АГУ им. Абая. Серия «Языки народов мира». Алматы, 2002, №1 (1). - С. 47-51.
6. Ипполитова Н.А. Текст в системе изучения русского языка в школе: материалы к спецкурсу. - М., 1992. - 125 с.
7. Калыбекова А. Теоретические и прикладные основы народной педагогики казахов. - Алматы: БАУР, 2005. - 200 с.
8. Крысько В.Г. Этническая психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: ИЦ «Академия», 2007. - 320 с.
9. Одинцов В. В. Стилистика текста. М., 1987.
10. Чернилевский Д.В. Дидактические технологии в высшей школе: учеб. пособие для вузов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. - 437 с.
11. Юнина Е. А. Педагогическая риторика: Учебное пособие. Пермь: Изд-во ПОИПКРО, 1995. - 107 с.

КОММУНИКАТИВНЫЙ СТАТУС ТЕКСТА КАК ПРИНЦИП ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА АВТОРА

Мусагитова Г. Н.

Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия

С точки зрения теории речевой деятельности за текстом, являющимся объемной и цельной речевой единицей, стоит смысловая (концептуальная) система его автора, которая обеспечивает как порождение текста, так и его понимание. Поэтому текст может рассматриваться как основа для моделирования картины мира (концептуальной системы) индивида. Поскольку «текст как продукт единого авторского сознания в каждой своей подсистеме содержит специфические следы общей концептуальной организации» [Бутакова 2001:194], анализ коммуникативной системы текста позволяет делать выводы и о концептуальной системе его автора.

Если мы говорим о художественном тексте, то к информативной ценности сообщения добавляется его эстетическая ценность, речевая деятельность его создателя является эстетически мотивированной. В то же время проза (нарратив) и поэзия имеют свои законы эстетической деятельности и, соответственно, их коммуникативная организация различна. Большинство исследователей (И.И. Ковтунова, Н.С. Болотнова, Ю.И. Левин, Ю.М. Лотман, И.А. Бескровная) рассматривают в коммуникативном аспекте поэтический текст, объяснение специфики нарратива через понятие коммуникативной ситуации осуществляет Е.В. Падучева [Падучева 1996]. В коммуникативной ситуации художественного текста автор отделён от своего высказывания: автор и читатель не имеют общего настоящего момента и общего поля зрения. «Лингвистические различия между лирикой и нарративом объясняются различием способов преодоления этой неполноценности коммуникативной ситуации» [Падучева 1996: 199]. Лирика «делает вид», что речевая ситуация осталась полноценной. В нарративе третьего лица редукция речевой ситуации отражается в соответ-

ственной редукции эгоцентрических элементов. У лирического текста, как правило, есть внутренний адресат, который обнаруживается в обращениях (нередко им является сам субъект речи, в таком случае мы говорим об автокоммуникации). Между тем в нарративе внутренний адресат в норме отсутствует и появляется только в лирических и риторических отступлениях. Своеобразие коммуникативной организации лирического произведения обуславливает характерные для него языковые черты:

- использование речевых форм устного диалога (второе лицо, обращение, побуждение, вопрос), адресованной речи;
- выражение эмоционально-волевых импульсов говорящего;
- обнаружение процесса мышления говорящего через вопросо-ответную структуру, безответные вопросы и ответы на имплицитно присутствующие в тексте вопросы.

Мы будем использовать методику построения коммуникативной модели текста, предложенную Ю.И. Левиным [Левин 1998], основанием которой является внутренне присущий тексту коммуникативный статус (имеется в виду система взаимоотношений «действующих лиц», связанных с этим текстом). Рассмотрим с этой точки зрения рассказы Ю.К. Олеши. Для исследования были выбраны 17 его рассказов: 8 рассказов из сборника «Вишнёвая косточка» («Лиомпа» (1927), «Любовь» (1928), «Цепь» (1928), «Человеческий материал» (1929), «Я смотрю в прошлое» (1929), «Пророк» (1929), «Вишнёвая косточка» (1929), «В мире» (1929)), а также рассказы «Легенда» (1927), «Мой знакомый» (1929), «Стадион в Одессе», «Первое мая», «Наташа», «Комсорг», «Три рассказа» (1936), «Воспоминание», «Иволга» (1947).

В рассказах Олеши обнаруживается одна примечательная особенность: у большинства из них своеобразный для прозаических произведений коммуникативный статус. Эпические жанры не предполагают автокоммуникативности, имплицитный автор обычно затуманен, преобладает «чужое я». Здесь же мы видим иное. Начнём с того, что из 17 рассказов в третьеличной форме написаны только 4 (т.е. меньшая часть). Из 13 рассказов, написанных от первого лица, от «чужого я» (от лица девочки) написан рассказ «Иволга», и в трёх рассказах («Легенда», «Цепь» и «Вишнёвая косточка») нет каких-либо указаний на то, что эксплицитное «я» совпадает с реальным автором текста. Во всех остальных рассказчик наделён чертами самого Олеши, биографическими совпадениями с ним, это «как бы» сам реальный писатель: *Ныне оглядываюсь: все инженеры вокруг меня! <...> И я среди них - писатель* («Человеческий материал»); *Когда Блерио перелетел через Ла-Мани, я был маленький гимназист* («Я смотрю в прошлое»). Отождествление рассказчика с автором тем легче, чем более мир текста совпадает с реальным миром.

Рассказчик здесь похож на «лирического героя» в лирике (лицо, почти или полностью совпадающее с реальным автором). Можно предположить во многих рассказах ситуацию автокоммуникации: большинство рассказов построено как обращение, а поскольку эксплицитного «ты» здесь нет, их, по-видимому, можно рассматривать как обращение к самому себе. Они похожи на воспоминания, обращённые более всего к себе, на внутренний монолог. Субъективность повествования, схожесть коммуникативного статуса «образа автора» и «лирического героя» способствует установлению коммуникативной связи особого характера («контакта», «сопереживания») между реальным читателем и имплицитным автором («образом автора»). В то же время полного совпадения с коммуникативным статусом лирики у рассказов быть не может: объективация последовательности событий при сохранении их конкретного характера не позволяет читателю самоотожествиться с автором.

К проявлениям повышенной внутритекстовой коммуникативности относятся:

- исключительно частое использование местоимения первого лица. В ряде случаев можно отметить повышенную концентрацию этого местоимения на ограниченном отрезке текста:

Я - маленький гимназист. Когда я вырасту, я буду таким, как господин Ковалевский. Этого требует от меня вся семья; Я захожу в гостиную, чтобы приветствовать господина Ковалевского. Я иду, маленький, согбенный ушами - иду между собственных ушей. Сзади идёт папа. Он меня демонстрирует. Я - вундеркинд («Человеческий материал»).

Представляя поколение начала XX века, интеллигенцию, писатель использует также местоимение «мы», поднимаясь на более высокую ступень обобщения, но имплицитный читатель сюда не включается: *Я думаю так: мы, тридцатилетние - целое поколение тридцатилетних, так называемых интеллигентов, - мы слишком скоро постарели; Мы собрались ковать своё счастье, а материал, из которого мы должны были его ковать, уничтожился* («Мой знакомый»). Здесь первое лицо собственное, обозначающее «малую группу», куда говорящий включает и себя.

В поздних рассказах используется первое лицо обобщённое, объединяющее и автора, и читателя, что нередко в публицистике: *Далее наши путь лежит по Греческой улице, где была булочная Мелиссарато и греческие кофейни, к Строгановскому мосту. <...> Пройдя мост, мы сворачиваем на улицу Лизогуба* («Стадион в Одессе»);

- использование обращения к внутренним адресатам (эксплицированным в тексте персонажам и к себе самому в прошлом) из настоящего времени рассказчика:

И вот, взрослый, я говорю себе, гимназисту:

- Ну что ж, требуй теперь. Теперь я могу отомстить за тебя. Высказывай заветные желания.

И никто не отвечает мне («Цепь»);

Ты хочешь, папа, чтобы я стал инженером. Так вот это ж и есть инженерия! Я говорю о волшебнейшей из инженерий, а ты не слушаешь меня («Я смотрю в прошлое»);

- частое использование речевых коммуникативных элементов: восклицаний, вопросов (здесь адресат, по-видимому, имплицитный читатель или сам говорящий):

А что вколотили в мой ум? Мечту о богатстве, о том, что нужно заставить общество склониться перед собой;

Если я не могу быть инженером стихий, то я могу быть инженером человеческого материала. Это звучит громко? Пусть. Громко я кричу: «Да здравствует реконструкция человеческого материала, всеобъемлющая инженерия нового мира!» («Человеческий материал»). Показательно, что эти восклицания и вопросы практически отсутствуют в поздних рассказах Олеши.

Таким образом, для рассказов Ю.К. Олеши характерно тяготение к лирике. Они имеют переходный между лирикой и нарративом коммуникативный статус: во многих рассказах происходит наложение персонажей, связанных с внутритекстовым и внешнетекстовым коммуникативными аспектами (реального автора текста и «имплицитного автора» с эксплицированным я), рассказчик, подобно «лирическому герою», почти или полностью совпадает с реальным автором, образ которого вынесен на первый план; проявления повышенной внутритекстовой коммуникативности имеют черты автокоммуникативности (обращения из настоящего времени к персонажам из далёкого прошлого; вопросо-ответная структура, отражающая диалектику внутреннего обдумывания).

Отличия обнаруживаются в произведениях разных периодов творчества Ю. Олеши. В рассказах конца двадцатых - начала тридцатых годов проявляются такие особенности повествовательной формы, как субъективность, ограниченность личным опытом повествователя (неполнота) и моноцентризм. Говорящий является центральным персонажем произведения. Все рассказы имеют автокоммуникативную направленность, выражающуюся в разных видах коммуникативного акцента: ненаправленных вопросах, восклицаниях. Во многих рассказах возникает ситуация нереализованной в действительности или фиктивной коммуникации, осуществляющейся в сознании самого говорящего, что также выявляет их автокоммуникативность.

В большинстве рассказов этого периода существуют два временных плана: детство рассказчика, прошедшее на дореволюционное время, и его настоящее в советскую эпоху. По линии говорящего коммуникативная схема вариативна, поскольку он выступает то от лица конкретного человека, то как представитель поколения «тридцатилетних, так называемых интеллигентов». При конкретности говорящего произведение представляет форму интроспекции, при его обобщённости - форму концептуализации (излагается личная концепция зависимости мироощущения поколения от смены эпох). В случае внешнего описания рассказчик сочетает в себе действующее лицо и наблюдателя.

В более поздних рассказах повествователь занимает в произведении периферийное место, поскольку в центре объект описания. Рассказы по преимуществу носят очерковый характер, воссоздавая советскую действительность и характер советского человека. Подчеркивается объективность характеристик, личность самого говорящего не столь важна, поскольку он выступает от лица советских людей, выражая общую оценку и мнение, используется местоимение «мы», которое фактически нейтрально. Конкретные случаи и события, реальность которых подчёркивается говорящим, служат для широких обобщений, имеющих положительную оценку.

Список использованной литературы

1. Бутакова Л. О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2001. 283 с.
2. Левин Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 464-480.
3. Олеша Ю. К. Зависть. Три толстяка. Рассказы. М.: Олимп; АСТ, 1999.
4. Падучева Е. В. Семантика нарратива // Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 193-418.

ПОЛИТИКА ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗАХ С УГЛУБЛЕННЫМ ИЗУЧЕНИЕМ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

*Мыльцева Н. А.
Академия ФСБ России*

Вопрос о стратегии развития системы обучения иностранным языкам в вузах тесно связан с политикой системы профессионального образования в Российской Федерации.

Эту связь можно проиллюстрировать следующим образом. Чем выше общественная потребность в знании языка и специалистах, владеющих одним или несколькими иностранными языками, тем более значимыми становятся прагматические аспекты обучения предмету. Чем выше в обществе потребности в новых профессиональных, личных, культурных, научных контактах с носителями иностранного языка, с достижениями культуры разных стран и чем реальнее возможность реализовать эти контакты, тем, соответственно, выше статус иностранного языка как средства общения и взаимопонимания.

Конечно, финансово-экономические проблемы порождают трудности в реализации этого социального заказа в области образования на всех его уровнях, являясь одной из причин противоречий в современной системе языкового образования. С одной стороны, наблюдается переосмысление роли иностранного языка